

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.25990/socinstras.pss-24.2fb8-3j57

EDN: LZICTG

УДК 316.346.32-053.9

О. А. ПАРФЕНОВА

СТАРЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

В статье представлен обзор институционализации старения в качестве предмета исследования социальных наук. Постепенно дрейфуя из сугубо медико-биологической области, старение начинает изучаться в рамках отдельной дисциплины — геронтологии, которая, в свою очередь, трансформируется сначала в социальную, затем в критическую геронтологию и, наконец, в культурную геронтологию. В настоящее время старение активно изучается представителями социальных наук и социологами, преимущественно западными. Институционализация направления происходит посредством создания и развития тематических журналов, включения тематики старения в качестве регулярной в программы крупных международных конференциях по социальным наукам, появление исследовательских проектов и даже отдельных организаций, сфокусированных на старении. Развитие тематики в российском контексте имеет, как и многое другое, догоняющий характер и воплощается в разных формах.

Ключевые слова: институционализация старения в социальных науках, гериатрия, геронтология, критическая геронтология, культурная геронтология.

OKSANA A. PARFENOVA

AGING AS AN OBJECT OF RESEARCH IN SOCIAL SCIENCES

The article provides an overview of the institutionalization of aging as a subject of interest in the social sciences. Gradually drifting from the purely medical-biological field, aging begins to be studied within a separate discipline — gerontology, which in turn transforms first into social gerontology, then critical gerontology appears, and finally cultural gerontology. Currently, aging is actively studied by

representatives of the social sciences and sociologists in particular, predominantly Western ones. The institutionalization of the topic is achieved through the creation and development of thematic journals, the inclusion of aging as a regular theme at major international conferences in social sciences, the emergence of research projects and even separate organizations focused on aging. The development of the topic in the Russian context, like many others, has a catching-up character, but nevertheless is embodied in various forms.

Keywords: institutionalization of aging in social sciences, geriatrics, gerontology, critical gerontology, cultural gerontology.

Введение

Увеличение продолжительности жизни и численности людей «третьего» и «четвертого» возрастов во многом является следствием общего повышения уровня жизни, внедрения гигиенических правил и развития биомедицинских технологий. Процессы старения и способы его замедления волновали человечество еще со времен древних цивилизаций, впоследствии став предметом интереса ученых естественно-научного профиля. Рост числа пожилых пациентов способствовал появлению нового направления в медицине — гериатрии, в развитие которой в первой половине XX в. внесли большой вклад медики различных специальностей, работающие с пожилыми пациентами в Великобритании и США (Morley 2004). С увеличением доли стареющих людей в современных обществах старение постепенно становится предметом междисциплинарных исследований и социальных наук. Оно рассматривается не как сугубо медико-биологический процесс, но и как социальный, означающий изменение социальных ролей статусов, норм и ожиданий по мере увеличения возраста. Изменение подходов к пониманию старения в медицинском сообществе повлияло и на социальную политику, направленную на медицинскую и социальную помощь пожилым. Медики способствовали институционализации заботы о пожилых. В частности, в 1946 г. в Великобритании именно по ходатайству медицинского сообщества уход за престарелыми больными стал частью национальной системы здравоохранения. Тогда же было создано «Медицинское общество по уходу за пожилыми», переименованное впоследствии в «Британское гериатрическое общество» (Morley 2004).

Цель данной работы — рассмотреть, как происходила и продолжает происходить институционализация старения в научном поле — от медико-биологического подхода до проникновения в социальные науки. При этом выделяются исследования старения в российском контексте в качестве отдельного предмета исследования, так что в каждом последующем разделе уделяется отдельное внимание отечественному опыту институционализации старения.

Институционализация через медицину: рождение гериатрии

Гериатрия считается довольно молодым направлением в современной медицине. Впервые термин «гериатрия» по аналогии с термином «педиатрия» был предложен в 1909 г. американским врачом И. Нашером. Чуть раньше русский врач и ученый И. Мечников предложил более широкий термин «геронтология» для обозначения изучения возрастных изменений из перспективы биологических, поведенческих и социальных наук (Лабезник 2010; Mulley 2012). Процессы институционализации гериатрии и впоследствии геронтологии параллельно идут в разных частях планеты, преимущественно в развитых странах с высоким уровнем и продолжительностью жизни (Morley 2004). Институционализация идет в нескольких направлениях — от выделения отдельной специальности по гериатрии и написания учебников¹ до создания специализированных журналов.

Первый научно-исследовательский институт геронтологии и гериатрии был основан в Румынии в 1952 г. Если говорить о гериатрии и геронтологии применительно к советскому опыту, то СССР шел в ногу со временем и наиболее развитыми странами в части институционализации изучения старения. В 1958 г. в Киеве был создан Институт геронтологии АМН СССР. На базе данного института проводились регулярные Всесоюзные конференции по гериатрии, первая из которых состоялась в Киеве в 1963 г. (Лазебник 2010). После распада СССР уже в России фактически заново стали создаваться структуры для работы по гериатрическому направлению: появились гериатрические центры в Нижнем Новгороде (1992) и Санкт-Петербурге (1994). В 1992 г. в Санкт-Петербурге был организован Институт биорегуляции и геронтологии, работающий по сей день. В 1993 г. возникла кафедра геронтологии и гериатрии на базе

¹ Так, первая кафедра гериатрии возникает на базе Университета Глазго в 1965 г. (Morley 2004).

факультета усовершенствования врачей Московского медико-стоматологического института (Лазебник 2010).

Рассмотрение развития тематических направлений в рамках гериатрии и геронтологии позволяет выделить несколько повторяющихся тем: 1) возрастная специфика проявления заболеваний; 2) опасность и недоисследованность лекарств; 3) преимущества здорового образа жизни (особенно диеты и физических упражнений); 4) вред, причиненный пожилым людям неудачным законодательным вмешательством; 5) становление специальности, связанной с лечением пожилых (Mulley 2012). И здесь помимо сугубо медицинских аспектов видно, как появляются социальные (профилактика, проблема эйджизма, институционализация гериатрических и геронтологических профессий). Происходит усиление междисциплинарной составляющей в исследованиях старения.

От гериатрии к социальной геронтологии и критической геронтологии

Термин «социальная геронтология» приписывается Тиббитсу, который ввел его в 1960-х гг. с целью отражения сильного влияния социальных факторов и сил на старение. К этим силам он относил роль и статус пожилых, то, как старики воспринимаются в обществе и в какой степени их поведение определяется нормативными ожиданиями общества (Tibbits 1960; Cox, Newton 1993). Таким образом, социальная геронтология воплощает в себе мультидисциплинарный подход как к работе с пожилыми, так и к изучению старения. По сути, подобного рода междисциплинарность и предполагалась И. Мечниковым, когда он предлагал термин «геронтология», о чем упоминалось выше, но на практике активное развитие междисциплинарного подхода началось в западных странах.

Институционально социальная геронтология сначала оформилась посредством отдельных университетских программ (в американских университетах Флориды, Коннектикута и др. они появляются в 1950-х (Tibbits 1960)). Социальный геронтолог может иметь образование в области медицины, социальной работы, социологии, психологии и т. д.

Дебаты о теоретическом фундаменте социальной геронтологии ведутся с момента ее возникновения. В начале 1990-х гг. констатировалось, что, несмотря на использование таких популярных теоретических перспектив, как социальный конструктивизм, феминизм, критическая теория и т. п., усилия по развитию теоретического изучения старения недостаточны и эмпирические данные все еще слабо объясняются

(Bengtson, Burgess, Parrott 1997). Д. Рогозин анализирует динамику развития социальной геронтологии в Великобритании на примере содержания книжной серии, состоящей из 25 монографий, вышедших в период с 1994 по 2012 г. Автор выделяет три условных этапа, которые формируют отчетливую траекторию — от поиска теоретического языка для описания старения через медицину с попытками различить старость и болезнь и признанием субъектности пожилого пациента к изучению идентичности пожилого, его счастья и благополучию (Рогозин 2020). В основе социальной геронтологии лежит концепция успешного старения (*successful aging*), предложенная Р. Хавиггерстом (США, 1900–1991), одним из первых сформулировавшим критерии успешного старения. Теоретическое обоснование успешного старения составили две конкурирующие теории. Первая — теория активности (*activity theory*), предполагающая сохранение так долго, как это возможно, активностей и установок среднего возраста. Вторая — теория разъединения (*disengagement theory*), предполагающая отстранение от активной жизни с наступлением возраста. С начала 1960-х гг. геронтологи в западных странах придерживались в своих работах теории активности (Havighurst 1961). Со временем концепция успешного старения стала заменяться активным старением (*active aging*), причем, не уходя полностью из академического поля. Успешное старение как базовая концепция социальной геронтологии критикуется, в частности, за то, что за ней стоит дискурс, основанный на западных (преимущественно американских) ценностях и не учитывающий особенностей других культур (Liang, Luo 2012). Тем не менее попытки суммировать накопленный тезаурус публикаций и определить, что же такое успешное старение, каковы его критерии и какие факторы на него влияют, не прекращаются (Estebansari et al. 2020).

В ответ на развитие социальной геронтологии в 1970–1980-х гг. возникает критическая. Одним из основоположников критической геронтологии считается Кэрол Истес (Carol Estes) — американский социолог, которая начиная с 1970-х активно критиковала доминирующие теории старения и призывала не игнорировать политические и экономические факторы, влияющие на опыт пожилых людей. Одной из первых ее работ в русле критической геронтологии является «*The aging enterprise*» (1979). Истес фокусировалась на неравенстве и власти, подчеркивая, что старение необходимо рассматривать в контексте социального неравенства, власти и влияния государственной политики. Эта и последующие многолетние публикации Истес оказали сильное воздействие на развитие критической геронтологии и подходов к изучению

старения. Истес с коллегами начали проследивать взаимосвязь между феминизацией бедности и уязвимостью пожилых женщин, показывая, как гендерное неравенство усугубляется в контексте старения (Estes et al. 1984). Подход Истес отличается междисциплинарностью, сочетая социологию, политическую экономию, феминистскую теорию и критический анализ политики в отношении старения.

Рождение культурной геронтологии

Транзит от социальных аспектов старения, лежащих в основе социальной геронтологии, через критическую геронтологию, возникшую как реакция на социальную, сопровождался изменением взгляда на возраст. Возраст стал пониматься как процесс и результат одновременно, как ситуационный и создающийся во взаимодействии. Такой взгляд нашел отражение в целом ряде дисциплин (социология, геронтология, антропология, гендерные исследования и др.) и способствовал появлению культурной геронтологии (Laz 2019). На сегодняшний день культурная геронтология является относительно новым направлением, получившим развитие в 2010-х. В стремлении деконструировать определение и понимание возраста она пересекается со своей предшественницей — критической геронтологией.

И хотя оба направления стремятся деконструировать доминирующие представления о старении, их фокусы и подходы различаются.

Критическая геронтология укоренена в политических и экономических структурах, которые формируют неблагоприятный возрастной опыт, и стремится к социальным изменениям, тогда как культурная геронтология сосредоточена на нормах, ценностях, практиках и моральных установках, касающихся пожилого возраста.

Ключевое различие заключается в том, что культурная геронтология смещает фокус в сторону культурных аспектов старения, в то время как критическая геронтология сохраняет политико-экономический анализ (Twigg, Martin 2015). Объектом внимания культурной геронтологии становятся нормы, ценности, практики и моральные установки, касающиеся пожилого возраста (Edmondson 2013). Возникновение культурной геронтологии также рассматривается как следствие «культурного поворота» в социальных науках (Nash 2001).

Меняется восприятие возраста — происходит отказ от хронологического / медицинского понимания возраста в пользу того, чтобы рассматривать возраст как нечто текучее и культурно конституируемое, а сам опыт старения — как изменяющийся, разнообразный, менее

интегрированный в социальные структуры и более подверженный культурному влиянию (Blakie 1999; Gilliard, Higgs 2014; Twigg, Martin 2015). Возраст рассматривается сквозь призму «интерсекциональности», которая рассматривает социальные явления через пересечения множественности идентичностей и позиций, разрушающих старые и создающих новые доминирующие интерпретации позднего этапа жизни (Gilleard, Higgs 2015).

Сдвиг старения из сугубо медицинской и биологической в междисциплинарную область хорошо прослеживается в изданиях научных журналов.

Институционализация через журналы

Существует большое количество англоязычных журналов, посвященных исследованиям старения исходя из перспектив разных наук. Например, подробно ознакомившись с рубрикаторм Scopus, одной из самых больших баз, содержащих рецензируемые журналы, можно все журналы, посвященные старению, условно разделить на три группы, хронологически следующие друг за другом:

- 1) «медико-биологическая» — эта группа имеет наиболее давнюю историю; включает журналы сугубо медицинские, биологические и связанные с уходом за пожилыми. Например: *Age and Ageing*; *Working with Older People*; *Aging and Mental Health*; *The Gerontologist* и др.;
- 2) «междисциплинарная» — более поздняя группа периодических изданий, в которой представлены междисциплинарные журналы, включающие в себя разделы из социальных наук и психологии: *European Journal of Ageing*; *Journal of Women and Aging*; *Ageing International*; *Educational Gerontology*; *Ageing and Society*; *Clinical Gerontologist*; *Canadian Journal on Aging* и др.;
- 3) «чистые социальные науки» — самая молодая группа изданий, к которой относятся журналы, посвященные старению в контексте преимущественно социальных наук. Таких изданий меньше всего, поскольку это новый фокус для социальных наук. Примерами таких журналов служат: *International Journal of Ageing and Later Life*; *Anthropology and Aging*.

Если мы посмотрим списки журналов по направлениям «старение»/гериатрия и геронтология» в базе Scopus, то обнаружим, что более половины журналов издаются крупными американскими или британскими издательствами. Помимо Великобритании и США среди

издателей можно увидеть и другие западные страны — Ирландию, Швейцарию, Германию, Францию, Канаду, Нидерланды. Исключениями служат несколько отдельных журналов, издающихся в незападных странах — в Южной Корее, Бразилии, Объединенных Арабских Эмиратах, Южной Африке, Иране, — но они все относятся к менее рейтинговым (Q3–Q4). Впрочем, концентрация журналов в западных издательствах характерна не только для темы старения, и обусловлена она во многом уровнем развития и институционализации научных направлений в разных странах.

В России существуют лишь два журнала, посвященных старению, и оба они геронтологические — это «Успехи геронтологии», издаваемые Институтом биорегуляции и геронтологии в Санкт-Петербурге, и «Клиническая геронтология», издающийся Московским городским научным обществом терапевтов. В «Успехах геронтологии» существует регулярный раздел, посвященный социальным исследованиям старения, тогда как «Клиническая геронтология» имеет сугубо медицинский фокус. Говорить о появлении в России журналов, относящихся к третьей группе, пока что не приходится.

Старение как основной фокус в исследовательских проектах и организациях

По мере развития темы старения оно становится важным предметом интереса, благодаря чему возникают специализированные крупные исследовательские проекты. Так, исследовательская платформа SHARE (Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe)² на протяжении более чем 10 лет калькулирует данные собственных исследований, связанных со здоровьем, социально-экономическим положением, пенсионным обеспечением старшего населения девяти европейских (и не только) стран. Платформа, с одной стороны, декларирует своей целью изучение эффектов текущих политических мер на жизнь европейских пенсионеров, а с другой — исследования SHARE призваны помочь в выработке новой, более эффективной политики.

На уровне организаций мы можем наблюдать возникновение профильных междисциплинарных центров, в которых старение изучается в том числе в рамках социальных наук. Примером такого рода организаций может служить, в частности, Центр геронтологии и социальных наук (Center for Gerontology and Social Science), созданный в 2012 г. в Японии

² URL: <https://share-eric.eu>.

на базе Института изучения долголетия³. Другой пример — Ирландский центр социальной геронтологии на базе Университета Гэлвэй в Ирландии⁴ (Irish Centre for Social Gerontology, the University of Galway), ведущий активную работу по выстраиванию исследовательской сети представителей социальных наук, занимающихся изучением старения.

Отдельной формой признания старения в качестве легитимной темы в социологии можно считать регулярное за последние несколько лет наличие секций, связанных с изучением старения на таких крупных научных мероприятиях, как конференции ISA (International Sociological Association) и ESA (European Sociological Association). В России тема старения представлена на ежегодных конференциях «Пожилой больной: качество жизни», а также на регулярном Всероссийском конгрессе по геронтологии и гериатрии. Однако все эти мероприятия ориентированы в большей степени на медиков с редкими вкраплениями секций, посвященных социальным аспектам старения. Ежегодный форум «Старшее поколение» — более разнообразный как в части дисциплинарных подходов, так и в части форматов. На социологических конференциях тема старения и пожилых звучит в последние годы регулярно в форме тематических секций / круглых столов⁵. В качестве программной тема старения заявлена Центром социальных исследований старения (СИ РАН) на регулярной конференции, которая проводится с 2021 г.

В российском контексте также выделяются крупные опросные организации, такие как ВЦИОМ, «Левада-центр»⁶, которые периодически проводят опросы, посвященные старению, восприятию пожилых и т. п. Так, например, ВЦИОМ периодически публикует опросы, посвященные старению или пожилым людям⁷. Недавний опрос носит название «Старение: принять или бороться?»⁸. «Крупнейший поставщик статистики в России — Федеральная служба государственной статистики Росстат — имеет отдельный раздел на своем сайте, посвященный старшему поколению, в котором можно найти информацию о показа-

³ URL: <https://www.ncgg.go.jp/research/lab/cgss/>.

⁴ URL: <https://icsg.ie/>.

⁵ См., напр., секцию «Социология старения на Грушинской конференции в 2020 г. — URL: <https://profi.wciom.ru/index.php?id=2287&uid=8/>.

⁶ «Левада-центр» (АНО «Аналитический центр Юрия Левады») включен Минюстом в реестр иностранных агентов.

⁷ См., напр., Опрос 2009 г. «Пожилая Россия: чем живет 30 — миллионное поколение?». — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pozhilaya-rossiya-chem-zhivet-30-millionnoe-pokolenie>.

⁸ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/starenie-prinjat-ili-borotsja>.

телях и особенностях профессиональной занятости, демографической структуре старшей возрастной группы, условиях проживания и т. д.⁹

Помимо этого, существует ряд организаций / проектов, для которых старение является одной из ключевых или даже основной темой. В 2016 г. на базе НИУ ВШЭ был создан Институт социальной политики¹⁰, который внес большой вклад в развитие темы старения в исследовательском и политическом полях. Сотрудники центра Л. Овчарова, О. Синявская, М. Варламова и др. выступили в качестве экспертов с российской стороны при анализе и оценке адаптации индекса активного долголетия к российской действительности. На сегодняшний день центр продолжает активно заниматься исследованиями социальной политики, в том числе в части старения. В недавних публикациях анализируется динамика индекса активного долголетия в России (Синявская, Червякова 2022) и делаются выводы о здоровье как наиболее важном и определяющем домене активного долголетия (Синявская 2022).

Направленная на изучение старения исследовательская инициатива воплощена в центре социальных исследований старения¹¹, созданном в 2021 г. на базе Социологического института РАН — филиала ФНИСЦ РАН в Санкт-Петербурге группой социологов И. Григорьевой, О. Парфеновой и К. Галкиным. Коллектив центра регулярно проводит исследования на тему старения. На базе центра проводятся ежегодные конференции, на которых обсуждается старение в различных контекстах (от активного долголетия и региональных политик до социально-биологических оснований и социальной включенности) (Григорьева и др. 2023).

Также можно выделить группу социологов, занимающихся изучением старения на базе Европейского университета в Санкт-Петербурге (Е. Богданова, Е. Здравомыслова, К. Макарова, А. Темкина), где помимо регулярных исследований и семинаров в 2020 г. была организована дискуссионная площадка «Достойное старение»¹².

Заключение

Старение на сегодняшний день прочно заняло место в ряду основных интересов представителей социальных наук. Заметную роль в развитии интереса к теме старения и пожилых сыграла и недавняя пандемия коронавируса, спровоцировавшая как уязвимость и зависимость,

⁹ URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877>.

¹⁰ URL: <https://isp.hse.ru/>.

¹¹ URL: <https://socinst.ru/department/csis/>.

¹² URL: <https://eusp.org/projects/dostoynoe-starenie>.

так и активную роль пожилых, что усилило необходимость в междисциплинарном взгляде на старение (Галкин 2023). Опыт пандемии привел к усложнению понимания и пересмотру старения как процесса, а также пожилых как отдельной социальной группы. На практике и процессы, и социальные группы оказываются весьма неоднородными и требуют осторожных оценок и категоризации.

Российский опыт институционализации изучения старения имеет свою выраженную специфику. Если в период бурного расцвета медико-биологического подхода к старению мы могли наблюдать активное развитие темы старения, что воплощалось, в частности, в создании новых специализированных институций, то в случае с социальными науками наблюдается выраженное отставание и слабая представленность темы. Изучение старения в отечественных социальных науках пока что не стало мейнстримом. Наукометрические исследования, посвященные динамике темы старения в рамках социальных наук в широком смысле, обнаруживают ожидаемое доминирование западных авторов (США, Великобритания, Австралия, европейские страны) и слабую представленность России в этой области (Видясова, Григорьева 2023). Тем не менее мы можем наблюдать определенное развитие темы, выражающееся как в появлении публикаций, посвященных пожилым и старению, так и в возникновении новых исследовательских коллективов, проектов, журнальных разделов и т. п. Развивается и теоретическая парадигма в понимании старения. Это происходит как на уровне апробации западных концептов применительно к российскому контексту (например, старение на месте (*aging at place*) (Григорьева, Петухова 2022)), так и путем развития собственных подходов — в частности, нами предлагается использовать концепцию отложенного старения в дополнение к активному долголетию как более отвечающую нынешнему этапу социокультурного развития (Парфенова 2023; Grigoryeva, Parfenova, Vidiasova 2024). Отложенное старение (*delayed aging*) предлагается сегодня в качестве новой парадигмы для системы здравоохранения в противовес концепции отложенных заболеваний (*delayed disease*). Модель лечения конкретных заболеваний, наряду с распространением системы общественного здравоохранения и улучшением условий жизни, уже помогла существенно повысить продолжительность жизни. Однако переориентация на продление периода здоровой жизни в старшем возрасте (отложенное старение) путем профилактирования заболеваний и снижения уровня инвалидизации может не только обеспечить большее количество лет здоровой и активной жизни, но и стать более экономически выгодной в долгосрочной перспективе (Goldman, Jay Olshansky 2013). Развитие концепции отложенного старения

продуктивно не только в части здравоохранения, но и в социальной сфере, так как способствует продлению жизни, в том числе здоровой жизни, влечет за собой увеличение периода занятости и активности, откладывая (сдвигая) таким образом старение в социальном смысле.

Источники

Видясова Л. А., Григорьева И. А. Предметное поле исследований активного / отложенного старения: результаты наукометрического анализа и картирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.: Социология. — 2023. — Т. 16, № 1. — С. 4–26. — DOI: 10.21638/spbu12.2023.101.

Галкин К. А. Новые тренды в исследованиях возраста и старения в постпандемийный период (обзор исследований) // Успехи геронтологии. — 2023. — Т. 36, № 3. — С. 284–291. — DOI: 10.34922/AE.2023.36.3.001.

Григорьева И. А., Парфенова О. А., Галкин К. А. Конференция «Продленная зрелость / отложенное старение во времена постковида и неопределенности» // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2023. — Т. 26, № 1. — С. 258–262. — DOI: 10.31119/jssa.2023.26.1.10.

Григорьева И. А., Петухова И. С. Теоретический подход «Старение на месте» и возможности его популяризации в России // Успехи геронтологии. — 2022. — Т. 35, № 5. — С. 662–667. — DOI: 10.34922/AE.2022.35.5.001.

Лазебник Л. Б. Гериатрия (к 100-летию термина «гериатрия») // Клиническая геронтология. — 2010. — Т. 16, № 1–2. — С. 3–8.

Парфенова О. А. Отложенное старение или поздняя зрелость в современном российском обществе // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы: Материалы VII всероссийской научной конференции с международным участием (СПбГУ, 2023 г.). — 2023. — С. 62–66.

Рогозин Д. М. Британская школа социальной геронтологии: библиографический обзор одного издательского проекта // Человек. — 2020. — Т. 31, № 3. — С. 173–183.

Синявская О. В., Червякова А. А. Активное долголетие в России в условиях экономической стагнации: что показывает динамика индекса активного долголетия? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2022. — № 5 (171). — С. 94–121. — DOI:10.14515/monitoring.2022.5.2043.

Синявская О. В. От активного к здоровому долголетию. Какой может быть модель социальной политики в интересах граждан старшего поколения в современной России // Социодиггер. — 2022. — Т. 3, № 5–6 (18). — С. 45–51.

Bengtson V. L., Burgess E. O., Parrott T. M. Theory, explanation, and a third generation of theoretical development in social gerontology // J. Gerontol. Series B: Psychological Sciences and Social Sciences. — 1997. — Vol. 52, no. 2. — P. S72–S88.

Blaikie A. Ageing and popular culture. — Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Cox H., Newton R. History of social gerontology // Sociological practice. — 1993. — Vol. 11, no. 1. — P. 4.

Edmondson R. Cultural gerontology: valuing older people // Old Age in Europe: A Textbook of Gerontology. — Dordrecht: Springer Netherlands, 2013. — P. 113–130.

Estesari F. et al. The concept of successful aging: a review article // Current aging science. — 2020. — Vol. 13, no. 1. — P. 4–10.

Estes C. L. The aging enterprise. — San Francisco: Jossey-Bass, 1979. — P. 98–102.

Estes C. L., Gerard L., Clarke A. Women and the economics of aging // Int. J. Health Services, Planning Administration Evolution. — 1984. — Vol. 14, no. 1. — P. 55–68.

Gilleard C., Higgs P. Cultures of ageing: Self, citizen and the body. — Routledge, 2014.

Gilleard C., Higgs P. The cultural turn in gerontology // Routledge handbook of cultural gerontology. — Routledge, 2015. — P. 29–36.

Goldman D. P., Jay Olshansky S. Delayed aging versus delayed disease: A new paradigm for public health // Public Policy and Aging Report. — 2013. — Vol. 23, no. 4. — P. 16–18.

Grigoryeva I. A., Parfenova O. A., Vidasova L. A. Factors Influencing Social Participation of Older People in Russia: Study of Practices of Delayed Ageing // Changing Societies & Personalities. — 2024. — Vol. 8, iss. 1: Social Participation as a Factor That Changes Societies and Personalities. — P. 14–36. — DOI: 10.15826/csp.2024.8.1.261.

Havighurst R. J. Successful aging // The Gerontologist. — 1961. — Vol. 1. — P. 8–13. — DOI: 10.1093/geront/1.1.8.

Laz C. Introduction to “Act Your Age” // Социология власти. — 2019. — Т. 31, № 1. — С. 143–145.

Liang J., Luo B. Toward a discourse shift in social gerontology: From successful aging to harmonious aging // J. Aging Studies. — 2012. — Vol. 26, no. 3. — P. 327–334. — DOI: 10.1016/j.jaging.2012.03.001.

Morley J. E. A brief history of geriatrics // J. Gerontol. Series A: Biological Sciences and Medical Sciences. — 2004. — Vol. 59, no. 11. — P. 1132–1152. — DOI: 10.1093/gerona/59.11.1132.

Mulley G. A history of geriatrics and gerontology // European Geriatric Medicine. — 2012. — Vol. 3, no. 4. — P. 225–227.

Nash K. The ‘cultural turn’ in social theory: Towards a theory of cultural politics // Sociology. — 2001. — Vol. 35, no. 1. — P. 77–92.

Tibbitts C. (ed.). Handbook of Social Gerontology: Societal Aspects of Aging. — Chicago, IL: University of Chicago Press, 1960.

Twigg J., Martin W. (eds.). Routledge handbook of cultural gerontology. — London: Routledge, 2015. — P. 480.

References

- Bengtson V. L., Burgess E. O., Parrott T. M. Theory, explanation, and a third generation of theoretical development in social gerontology. *J. Gerontol.* Series B: Psychological Sciences and Social Sciences, 1997, vol. 52, no. 2, pp. S72–S88.
- Blaikie A. Ageing and popular culture. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Cox H., Newton R. History of social gerontology. *Sociological practice*, 1993, vol. 11, no. 1, p. 4.
- Edmondson R. Cultural gerontology: valuing older people. *Old Age in Europe: A Textbook of Gerontology*. Dordrecht, Springer Netherlands, 2013, pp. 113–130.
- Estebarsari F. et al. The concept of successful aging: a review article. *Current aging science*, 2020, vol. 13, no. 1, pp. 4–10.
- Estes C. L. The aging enterprise. San Francisco, Jossey-Bass, 1979, pp. 98–102.
- Estes C. L., Gerard L., Clarke A. Women and the economics of aging. *Int. J. Health Services*, Planning Administration Evaluation, 1984, 14(1), pp. 55–68.
- Galkin K. A. New trends in age and aging research in the post-pandemic period (research overview). *Uspekhi gerontologii*, 2023, vol. 36, no. 3, pp. 284–291. (In Russ.) DOI: 10.34922/AE.2023.36.3.001.
- Gilleard C., Higgs P. *Cultures of ageing: Self, citizen and the body*. Routledge, 2014.
- Gilleard C., Higgs P. *The cultural turn in gerontology. Routledge handbook of cultural gerontology*. Routledge, 2015, pp. 29–36.
- Goldman D. P., Jay Olshansky S. Delayed aging versus delayed disease: A new paradigm for public health. *Public Policy and Aging Report*, 2013, vol. 23, no. 4, pp. 16–18.
- Grigor'yeva I. A., Petukhova I. S. Theoretical approach “Aging in place” and the possibilities of its popularization in Russia. *Uspekhi gerontologii*, 2022, vol. 35, no. 5, pp. 662–667. DOI: 10.34922/AE.2022.35.5.001 (In Russ.)
- Grigor'yeva I. A., Parfenova O. A., Galkin K. A. Conference “Extended adulthood / delayed ageing in a time of post-covid and uncertainty”. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 2023, vol. 26, no. 1, pp. 258–262. DOI: 10.31119/jssa.2023.26.1.10. (In Russ.)
- Grigoryeva I. A., Parfenova O. A., Vidiasova L. A. Factors Influencing Social Participation of Older People in Russia: Study of Practices of Delayed Ageing. *Changing Societies & Personalities*, 2024, vol. 8, iss. 1: Social Participation as a Factor That Changes Societies and Personalities, pp. 14–36. DOI: 10.15826/csp.2024.8.1.261.
- Havighurst R. J. Successful aging. *The Gerontologist*, 1961, vol. 1, pp. 8–13. DOI: 10.1093/geront/1.1.8.
- Laz C. Introduction to “Act Your Age”. *Sotsiologiya vlasti*, 2019, vol. 31, no. 1, pp. 143–145.
- Lazebnik L. B. Geriatriya (k 100-letiyu termina “geriatriya”). *Klinicheskaya gerontologiya*, 2010, vol. 16, no. 1–2, pp. 3–8. (In Russ.)
- Liang J., Luo B. Toward a discourse shift in social gerontology: From successful aging to harmonious aging. *J. Aging Studies*, 2012, vol. 26, no. 3, pp. 327–334. DOI: 10.1016/j.jaging.2012.03.001.
- Morley J. E. A brief history of geriatrics. *J. Gerontol.* Series A: Biological Sciences and Medical Sciences, 2004, vol. 59, no. 11, pp. 1132–1152. DOI: 10.1093/gerona/59.11.1132.
- Mulley G. A history of geriatrics and gerontology. *European Geriatric Medicine*, 2012, vol. 3, no. 4, pp. 225–227.
- Nash K. The ‘cultural turn’ in social theory: Towards a theory of cultural politics. *Sociology*, 2001, vol. 35, no. 1, pp. 77–92.

Parfenova O. A. Delayed aging or late adulthood in modern Russian society. *Sotsial'nyye protsessy v sovremennom rossiyskom obshchestve: problem i perspektivy*. Materialy VII vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (SPbGU, 2023 g.), 2023, pp. 62–66. (In Russ.)

Rogozin D. M. The British school of social gerontology: a bibliographical review of a publication project. *Chelovek*, 2020, vol. 31, no. 3, pp. 173–183. (In Russ.)

Sinyavskaya O. V. From active to healthy longevity. What could be a model of social policy in the interests of older citizens in modern Russia. *Sotsiodigger*, 2022, vol. 3, no. 5–6 (18), pp. 45–51. (In Russ.)

Sinyavskaya O. V., Chervyakova A. A. Active Aging in Russia during Economic Stagnation: What Can We Learn from the Dynamics of the Active Ageing Index? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, 2022, no. 5 (171), pp. 94–121. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2043. (In Russ.)

Tibbits C. (ed.). *Handbook of Social Gerontology: Societal Aspects of Aging*. Chicago, IL, University of Chicago Press, 1960.

Twigg J., Martin W. (eds.). *Routledge handbook of cultural gerontology*. London: Routledge, 2015, p. 480.

Vidyasova L. A., Grigor'yeva I. A. Predmetnoye pole issledovaniy aktivnogo/otlozhenogo stareniya: rezul'taty naukoemicheskogo analiza i kartirovaniya. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. Sotsiologiya, 2023, vol. 16, no. 1, pp. 4–26. DOI: 10.21638/spbu12.2023.101. (In Russ.)

Парфенова Оксана Анатольевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия.
oparfenova2023@yandex.ru

Parfenova, Oksana A., Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Research Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia. oparfenova2023@yandex.ru